

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

«Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью»

Ильин В.А.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

(ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

Понятие «идентичность», введенное в психологический лексикон Э. Эриксоном и эмпирически верифицированное его последователями, на сегодняшний день прочно вошло в обиход представителей не только всего спектра гуманитарных наук, но и политиков, политологов, публицистов. При этом сразу вслед за выходом первого издания работы Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» высказывались серьезные сомнения в обоснованности и содержательной ценности использования данного понятия в отечественном научном дискурсе, ставшие на сегодняшний день неожиданно актуальными. Так что же происходит с «идентичностью»? Где заканчивается научное понятие и начинается расхожий штамп? Где проходит граница между исследованием реальной научной проблематики и наукообразной псевдодеятельностью? Попытка дать ответы на эти вопросы предпринята в нижеследующих авторских размышлениях.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, психосоциальная теория развития.

Для цитаты: Ильин В.А. «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 222–235. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120114>

“The Casus of Reciprocity” and Other “Inconveniences with Identity”

Valery A. Ilyin

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

The concept of “identity”, introduced into the psychological lexicon by E. Erickson and empirically verified by his followers, has now become firmly used by representatives of not only the entire spectrum of the humanities, but also politicians, political scientists, and publicists. At the same time, immediately after the release of the first edition of E. Erickson’s work “Identity: Youth and Crisis”, serious doubts were expressed about the validity and substantive value of using this concept in Russian scientific discourse, which have become unexpectedly relevant today. So what happens to “identity”? Where does a scientific concept end and a common cliché begin? Where is the border between the study of real scientific problems and pseudo-scientific activity? An attempt to give answers to these questions is undertaken by the following author’s thoughts.

Keywords: identity, identification, psychosocial developmental theory.

For citation: Ilyin V.A. “The Casus of Reciprocity” and Other “Inconveniences with Identity”. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 222–235. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120114> (In Russ.).

Некоторое время назад в редакцию поступила статья с описанием исследования, в котором на выборке из 38-ми, кажется, студентов изучалась взаимосвязь между представлениями о регионах и социальной идентичностью российской молодежи. Статья не была рекомендована к публикации в силу не только очевидной неадекватности выборки масштабу заявленной проблематики, но и по целому ряду иных причин. Вспомнилось об этом, разумеется, не к тому, чтобы лишний раз «кинуть камень в огород» авторов статьи — в редакцию приходят куда как более странные опысы. Просто это свежий и достаточно яркий пример из целого ряда подобных, демонстрирующих удивительные метаморфозы, происходящие на наших глазах с понятием «идентичность». Зачастую создается впечатление, что в глазах значительной части не только молодых и не очень представителей психологической науки, но и современных российских интеллектуалов вообще само это слово наделено особой значимостью, стилистической привлекательностью, если угодно, даже некоей сакральностью, а его использование в любом исследовании, в любой публикации, в любом спиче на любом ток-шоу автоматически придает особую глубину и солидность сделанному, написанному, сказанному. И одновременно наделено, как ни парадоксально, чем-то настолько легковесно-бессмысленным, что его можно свободно использовать практически в любом контексте, не задумываясь особо, а что же все-таки оно означает. В чем причины этого странного парадокса? Где заканчивается науч-

ное определение и начинается расхожий штамп? Попробуем разобраться.

Понятие «идентичность», по образному выражению Н.Н. Толстых, «буквально ворвалось» в отечественный научный, прежде всего психологический, лексикон во второй половине 90-х гг. прошлого века [7]. И связано это, безусловно, с выходом в свет в 1996-м году фундаментальной работы Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» на русском языке. Несомненно, тут немалую роль сыграл «эффект новизны» — до этого момента об Э. Эриксона и психосоциальном подходе к проблеме развития имел какое-то представление только узкий круг специалистов. Не случайно свою вступительную статью к упомянутому изданию А.В. Толстых назвал «Неизвестный классик» [6]. Но дело, думается, не только в этом. Рискнем предположить, что в сравнительно небольшой по объему, но очень многоплановой, по сути дела полидисциплинарной монографии каждый специалист нашел что-то «свое», актуальное для исследуемой им проблематики. Как бы там ни было, понятие, что называется, «зашло».

Вместе с тем практически одновременно с введением понятия «идентичность» в отечественный научный лексикон стали появляться сомнения в обоснованности и содержательной ценности такого нововведения. Так, в частности, в 1998-м году в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья В.С. Малахова «Неудобства с идентичностью», в которой сам термин, его словупотребление, а также те, кто, собственно говоря, его использует, подверглись жесткой критике [3]. С точки зрения ав-

тора упомянутой статьи, «идентичность» как научное понятие и его использование в научно-исследовательской практике имеют, как минимум, два системно-методологических изъяна.

Во-первых, это «эффект добавленной валидности». «Эффект этот, по мнению В.С. Малахова, состоит в завышенных ожиданиях от чужого слова, в приписывании термину, пришедшему из иностранных языков, особой значимости, что, в свою очередь, сопряжено с некорректным употреблением такого термина» [3, с. 27]. Добавим, что, на наш взгляд, данный эффект никоим образом не может быть сведен к пресловутому «низкопоклонству перед Западом». Речь, скорее, должна идти о стремлении использовать звучные определения и понятия, которые, что называется, «на слуху». За этим может стоять желание «придать вес» разработке или публикации, следование своего рода «научной моде», а зачастую и попытка скрыть за нарочитой многозначительностью и наукообразностью отсутствие реального содержания.

И, во-вторых, «феномен, со времен Канта называемый гипостазированием. Это принятие предмета мыслимого за предмет сам по себе, или, выражаясь жестче, превращение мысли в вещь» [3, с. 35]. Либо, выразимся еще жестче, превращение проблемы умозрительной, попросту говоря, надуманной в проблему реальную как предмет научного исследования.

При том, что, как мы постараемся показать ниже, подобного рода упреки к вообще любому использованию понятия «идентичность» в научном дискурсе и к любым исследованиям идентичности совершенно несостоятельны, в последние годы они неожиданно приобрели реальную актуальность. Это связано с тем, что с понятием «идентичность» происходит

нечто очень похожее на историю с понятием «коллектив». Последнее, введенное в научный обиход А.В. Петровским как научно выверенное и эмпирически верифицированное определение группы высокого уровня развития просоциальной направленности (еще раз подчеркнем, что А.В. Петровский, конечно же, не «изобрел» само слово «коллектив», а ввел его как научное понятие в предметно-проблемное поле социальной психологии) с течением времени превратилось в расхожий идеолого-публицистический штамп, лишенный не только научного, но и вообще какого-либо внятного содержания. Более того, по конъюнктурно-идеологическим «разнарядкам» «коллективы» формировались не только в каждом школьном классе, в каждом заводском цеху, в каждом воинском подразделении, но даже в отрядах заключенных, отбывающих наказание. Понятно, что все это не имело никакого отношения к предметному содержанию, вкладываемому А.В. Петровским в понятие «коллектив» в рамках стратометрической концепции [4].

Как уже было сказано, аналогичные метаморфозы происходят на наших глазах с научно выверенным и эмпирически верифицированным в рамках психосоциальной теории развития понятием «идентичность». С необыкновенной легкостью психологи, социологи, культурологи и представители других гуманитарных наук рассуждают о «профессиональной», «этнической», «национальной», «этнонациональной», «личностной», «социальной», «семейной» и прочих «идентичностях». О всевозможных колумнистах, публицистах, политологах, аналитиках в данном контексте, что называется, «к ночи лучше не вспоминать». Стало совершенно обычным делом, когда на вопрос, обращенный к очередному исследователю очередной

«идентичности»: «А что конкретно Вы под этим понимаете? Дайте, пожалуйста, определение», следует ответ: «Ну, это результаты, полученные с помощью нашего опросника». Т.е. «исследовательская программа» выстраивается примерно следующим образом. Первооткрывателю очередной идентичности приходит в голову, вполне возможно, не лишенная оснований мысль: а ведь наверняка есть экологическая, скажем, идентичность. Далее разрабатывается опросник, возможно, вполне надежный и валидный с точки зрения выяснения отношения респондентов к экологическим проблемам, их личностных установок, ценностных ориентаций и т.п. И на основе ответов на вопросы типа: «Готовы ли Вы в качестве волонтера участвовать в программах по защите окружающей среды?» делается вывод о том, что у респондента А с «экологической идентичностью» все в порядке, а у респондента Б — не очень. На наш взгляд, типичный пример гипостазирования и эффекта добавленной валидности, что называется, «в одном пакете». В свете сказанного представляется не только целесообразным, но и необходимым еще раз четко обозначить границы предметно-проблемного поля, описываемого понятием «идентичность», и конкретизировать его содержание именно применительно к психологической реальности.

Итак, что же такое идентичность? Прежде всего оговорим, что, как и любое другое слово, «идентичность», безусловно, не воробей и даже не какая-то экзотическая птица, а следовательно, не может быть посажено в «клетку». В качестве лексической единицы термин может употребляться кем угодно, где угодно, как угодно — корректно, не вполне корректно, совсем не корректно в содержательном плане. Ограничивать слово-

употребление попросту невозможно, да мы и не претендуем на роль цензоров. Но вот что касается научного понятия, то здесь границы попросту необходимы — в противном случае оно не отвечает критериям научности — попросту перестает быть «научным» (как было показано выше, именно это и происходит с понятием «идентичность»). Достаточно очевидно, что границы применения научного понятия определяются предметно-проблемным полем, описываемым им — в нашем конкретном случае интра- и интерпсихической реальностью, обозначаемой как «идентичность». Надо сказать, что вопрос этот сам по себе достаточно непростой и дискуссионный. При этом, как нам казалось, вроде бы вполне удовлетворительно разрешенный в целом ряде работ, в том числе и отечественных исследователей. Однако обозначенные выше актуальные тенденции употребления понятия «идентичность» в российской науке и социальной практике вынуждают в очередной раз вернуться к нему.

На протяжении многих лет периодически можно было встретить «определение» идентичности как «тождественности самому себе». Если задуматься буквально на минуту, становится очевидным, что трудно вообразить что-либо более свертривиально-бессмысленное. В самом деле — любой предмет, как одушевленный, так и неодушевленный, «здесь и сейчас» тождественен самому себе. Шизофреник в остром клиническом состоянии тождественен самому себе как шизофренику. Если вдруг он начнет адекватно воспринимать действительность, критично оценивать свое мироощущение и поступки, он перестанет быть шизофреником.

Другое, столь же популярное и очень близкое по сути «определение» идентич-

ности связано с ответом на вопрос «Кто я?». В рамках многочисленных исследований, посвященных этнической, профессиональной и прочим «идентичностям», данное понятие трактуется именно в логике ответа на этот вопрос. Между тем на неадекватность такого рода трактовки прямо указывал Э. Эриксон. «Еще раз подчеркивая взаимосвязь биографии и истории, — писал он, — я должен упомянуть о досадном и странном, никогда мной не подразумевавшемся отождествлении термина “идентичность” с вопросом “Кто я?”. Человек задает себе такой вопрос, либо временно находясь в болезненном состоянии, либо в момент плодотворного внутреннего конфликта, или в отрочестве, когда эти два состояния могут совпадать» [8, с. 328].

При всей справедливости данного замечания невозможно пройти мимо того обстоятельства, что оно дано, во-первых, с авторской позиции и, во-вторых, как следствие, жестко привязано к одному конкретному концептуальному подходу, а следовательно, в известной степени изначально ограничено в теоретико-методологическом плане. Рассмотрим, что есть ответ на вопрос «Кто я?» применительно к предмету нашего разговора в более широком контексте.

Достаточно очевидно, что сам по себе ответ на вопрос «Кто я?» («я — инженер», «я — родитель», «я — россиянин», «я — православный» и т.д.) не является признаком болезненного состояния, как, впрочем, и плодотворного внутреннего конфликта — это ролевая, этническая, религиозная и т.п. идентификация, иными словами, отождествление себя с кем-либо или с кем-либо. Подчеркнем, именно отождествление, а не тождественность — если некто заявляет «я тот-то и тот-то», он совсем не обязательно действительно этим является. Поясним это примером.

Согласно имеющейся статистике, абсолютное большинство граждан Российской Федерации (по разным данным от 65 до 79 процентов) позиционируют себя как православные. Вместе с тем (и это безоговорочно признают представители РПЦ) число «верующих», способных хотя бы без «шпаргалки» прочитать «Символ Веры», не говоря уже о понимании смысла Таинств, Богослужений, знания Священного Писания и Священного Предания, истории церкви, как минимум, в разы меньше. Т.е. в данном случае мы имеем дело, строго говоря, даже не с идентификацией, а с псевдоидентификацией — отождествлением индивидом себя по формальному признаку (в младенчестве был крещен родителями, русский, значит православный и т.п.) с чем-то, о чем он имеет самое смутное представление. Понятно, что такого рода ограниченность идентификации как индивидуально-личностной и социально-психологической характеристики индивида давно не секрет и не новость. В этой связи имеет место еще одна достаточно распространенная трактовка понятия «идентичность» как суммы значимых идентификаций, иными словами, множества ответов на вопрос «Кто я?».

Вообще-то говоря, такого рода образ собственного «Я» давно и широко известен в социальной, прежде всего, психологии как «я-концепция». И использование понятия «идентичность» в этом случае представляется не более чем тягой к следованию некоей «научной» моде. Другое дело, что если проанализировать под определенным углом зрения сумму идентификаций, связанных, к примеру, с профессиональной деятельностью, можно выявить некую системообразующую сущностную характеристику и обозначить ее как профессиональную идентичность индивида.

да. И здесь возникает принципиальный вопрос — а чем же все-таки идентичность отличается от идентификации (заметим в этой связи, что, к примеру, в исследованиях по социальной идентичности личности понятия «идентификация» и «идентичность» часто рассматриваются, по сути дела, как синонимичные)? Чтобы ответить на него еще раз, обратимся к Э. Эриксону. Рассматривая связку «идентификация» — «идентичность» в рамках психосоциального подхода к проблеме развития, он писал: «Формирование идентичности начинается там, где идентификация становится непригодной. Она вырастает из избирательного отказа от одних и взаимной ассимиляции других детских идентификаций и их объединения в новую конфигурацию, которая, в свою очередь, определяется процессом, посредством которого общество (часто через субкультуры) идентифицирует юного индивида с тем, кем он, само собой разумеется, должен стать. ... У ребенка в результате множества успешных пробных идентификаций начинают складываться ожидания по поводу того, что значит быть старше и что означает быть моложе, ожидания, которые становятся частью идентичности по мере того, как они, шаг за шагом, проверяются психосоциальным опытом. Установившаяся к концу отрочества идентичность включает в себя все значимые идентификации, но в то же время изменяет их с целью создания единого и причинно связанного целого» [8, с. 170—171].

Итак, идентичность никоим образом не сводится к сумме даже реально значимых идентификаций, хотя они и являются, образно говоря, «строительным материалом» для ее формирования. Идентичность — это принципиально иной, более высокий уровень интрапси-

хического (а в целом ряде случаев и социального) развития. Идентичность можно охарактеризовать как типичный пример синергического эффекта — это тот самый случай, когда целое больше арифметической суммы его составляющих. Разумеется, к приведенному рассуждению Э. Эриксона применимы те же упреки в теоретико-методологической ограниченности и, если угодно, предвзятости, о которых шла речь выше. Однако в данном случае, на наш взгляд, имеют место два существенных контраргумента.

Прежде всего, при том, что рассмотрение связки «идентификация» — «идентичность» в содержательном и процессуальном аспектах построено в узко предметных рамках психосоциальной концепции индивидуально-личностного развития, сам по себе подход Э. Эриксона позволяет выйти за рамки обозначенного методологического тупика и наполнить понятие «идентичность» реальным содержанием.

Помимо этого невозможно игнорировать тот факт, что именно концептуальные разработки Э. Эриксона и его последователей были и остаются фундаментальными исследованиями, в которых проблема идентичности разрабатывалась наиболее детально и последовательно применительно не только к индивидуально-личностному, но и к социальному развитию (напомним, что эпигенетический принцип, согласно которому «все, что развивается, имеет исходный план развития, в соответствии с которым появляются отдельные части — каждая имеет свое время доминирования, — откуда все эти части не составят способного к функционированию целого» [8, с. 4], Э. Эриксон рассматривал как универсальный, применимый к анализу процессов онто- и социогенетического развития в их взаимосвязи). В этой связи представляется

целесообразным рассмотреть, а что же именно понимал Э. Эриксон под идентичностью в рамках своей концепции.

Отметим прежде всего — анализ работ Э. Эриксона позволяет с полным на то основанием предположить и даже утверждать, что, вводя в свою концепцию развития понятие «идентичность» как одно из ключевых и системообразующих, он не имел в виду буквального значения самого слова — «тождественность», «одинаковость» — что-то там тождественно чему-то. Речь идет скорее о метафоре — не случайно целый ряд исследователей (Д. Зиглер, С. Клонингер, Л. Хьелл и др.), отнюдь не критично, заметим, относящихся к концепции Э. Эриксона в целом, отмечали чрезмерную, на их взгляд, образность и метафоричность ее изложения [1; 2]. Но это детали. Вернемся к пониманию идентичности как особого вида психической реальности Э. Эриксоном.

Для этого обратимся к комментарию Э. Эриксона к одному из писем У. Джеймса к жене: «Характер человека — пишет У. Джеймс, — проявляется в том его умственном или моральном состоянии, когда в нем наиболее интенсивно и глубоко ощущение его собственной активности и жизненной силы. В такой момент внутренний голос говорит ему: «*Это и есть настоящий я*».

Такой опыт всегда предполагает элемент активного напряжения, некоторой стойкости и веры в то, что внешние обстоятельства помогут ему, но не полную *уверенность* в этом. При полной уверенности это состояние переходит в нечто косное и тупое. Отнимите эту уверенность, и я испытаю (при условии, что я вообще в этом энергичном состоянии) какое-то восторженное блаженство, горькую решимость сделать все, что угодно, и все преодолеть... и хотя это всего лишь настроение или эмоция, не выраженная

в слове, она является глубочайшей основой всех моих практических и теоретических устремлений» [8, с. 28]. Комментируя письмо У. Джеймса, Э. Эриксон замечает: «Джеймс употребляет слово “характер”, но я позволю себе утверждать, что он описывает чувство идентичности и что описанное им в принципе доступно опыту любого человека» [8, с. 28]. Что же мы видим? Э. Эриксон берет цитату даже не из научного трактата, а из личной переписки «бородатого патриарха», заменяет слово «характер» на «идентичность» и дело сделано? Чем это отличается от замены той же «я-концепции» «идентичностью»? Да ровным счетом ничем, если бы Э. Эриксон этим и ограничился, как делают некоторые первооткрыватели всевозможных «идентичностей». Но в случае Э. Эриксона все гораздо сложнее и глубже.

Прежде всего, почему, в самом деле, из обширного научного наследия У. Джеймса именно этот отрывок из письма так привлек его внимание? Почему он считает, что именно в нем описывается «чувство идентичности»? Вернемся еще раз к письму У. Джеймса. Итак, в нем идет речь о некоем особом состоянии индивида, которое характеризуется избытком энергии, целеустремленностью, готовностью к достижению цели, несмотря на возможные препятствия, и верой в конечный успех. У. Джеймс описывает его как интенсивное и глубокое ощущение человеком «его собственной активности и жизненной силы» [8, с. 28]. Понятно, что первостепенный интерес представляет происхождение этого состояния индивида — когда, как, за счет чего оно возникает? Где его первоисточник?

У. Джеймс дает свой ответ на данный вопрос — человек слышит внутренний голос, который говорит ему: «*Это и есть настоящий я*», т.е. это момент контакта

индивида со своей глубокой подлинной сущностью — вот откуда, похоже, взялась пресловутая «тождественность самому себе» [8, с. 28]. Но ведь это, по большому счету, тоже метафора, сама по себе мало что проясняющая. Что из себя представляет это самое подлинное или истинное «Я»? Как оно формируется? Когда и при каких условиях проявляется? И Э. Эриксон в своей концепции дал развернутые ответы на все эти вопросы.

Понятно, что в рамках статьи попросту невозможно даже в самом общем виде изложить психосоциальную теорию развития, да в этом и нет никакой необходимости — она подробно представлена в доступных специальных трудах. При этом есть отдельные моменты, на которых стоит остановиться именно в контексте нашего разговора.

Субъективное ощущение индивидом его активности и жизненной силы, о котором говорил У. Джеймс, Э. Эриксон конкретизировал в понятии «витальность». Именно так авторы русскоязычных переводов работ Э. Эриксона транслировали использовавшийся в оригинале термин «vitality». Это обусловлено, в частности, тем, что в дословном переводе на русский язык английское «vitality» имеет два основных значения: 1) жизнеспособность, жизненное начало и 2) энергия, энергичность. В понятии же «витальность» подчеркивается диалектическое единство этих значений — любой организм, и биологический, и социальный может развиваться и вообще существовать, только обладая жизнеспособностью, проявляющейся прежде всего во внешней активности. При этом происходит энергетический обмен между субъектом такой активности и внешней средой — субъект направляет вовне энергию, генерируемую собственным жизненным началом, и, в свою очередь, получает извне допол-

нительные ресурсы, подкрепляющие его жизнеспособность.

И здесь стоит еще раз обратиться к письму У. Джеймса. В нем есть прямое указание на взаимосвязь описываемого У. Джеймсом внутреннего состояния индивида с внешними условиями. Причем, как следует из письма У. Джеймса, внешние условия носят амбивалентный характер с точки зрения реализации потребностей и стремлений индивида — какие-то из них способствуют, а какие-то препятствуют ей. Заметим, что последнее обстоятельство оказывается неременным условием возникновения и поддержания того самого особого внутреннего состояния, которое описывает У. Джеймс. В противном случае, если все вокруг благоприятствует, если отсутствуют любые препятствия, любое сопротивление, любое противодействие во внешней среде, вера в достижимость поставленных целей и собственную готовность и способность их достигнуть практически неизбежно оборачивается той самой полной уверенностью, которая, согласно У. Джеймсу, превращает описываемое им состояние в нечто косное и тупое.

Возвращаясь к концепции Э. Эриксона, заметим, что взаимосвязь внутренних и внешних детерминант развития не просто является одним из ее контрапунктов, но, в отличие практически от всех иных теорий развития, в ней детально представлен механизм этой взаимосвязи, причем как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Не случайно в современной трактовке психосоциальной теории развития выделяются два вида витальности — детская и институциональная. Под детской витальностью понимается способность и готовность индивида сохранять, реализовывать и подкреплять свою личностную уникаль-

ность в процессе социального функционирования и взаимодействия. С точки зрения психосоциальной теории развития это и есть тот самый «настоящий Я», о котором писал У. Джеймс. В свою очередь, под институциональной витальностью понимается результат разрешения, на уровне базисных институтов того или иного общества, диалектического противоречия между инновационным и консервативным векторами развития, который и определяет в конечном счете его (общества) жизнеспособность и активность.

Эти два вида витальности тесно взаимосвязаны. С одной стороны, институциональная витальность объективно подкрепляет детскую, поскольку чем восприимчивее общество к инновациям, тем больше возможностей и пространства оно представляет для ее (детской витальности) проявления. Одновременно детская витальность объективно подкрепляет институциональную в силу того, что, реализуя потребность в утверждении своей уникальности и самоценности в той или иной сфере деятельности, индивид не просто вкладывает свою энергию в функционирование соответствующего социального института (что само по себе немаловажно), но и вносит реальный вклад в его инновационное развитие. Понятно, что детали этой взаимосвязи, возможные инварианты развития системы «личность—общество» и определяющие их факторы — предмет отдельного развернутого рассмотрения. Здесь же, с учетом приведенной ее краткой характеристики, мы остановимся именно на детской витальности, представляющей первостепенный интерес в рассматриваемом контексте.

С точки зрения концепции Э. Эриксона в основе детской витальности лежат генетически заданные биологические де-

терминанты развития (в данном аспекте она продолжает психоаналитическую традицию). Иными словами, она изначально обусловлена врожденной уникальностью индивида (как известно, генетическая карта каждого человека неповторима), а потребность в ее подкреплении и проявлении является жизненно важной уже на биологическом уровне. В то же время уже с первых дней жизни начинается процесс социального взаимодействия (как показано в целом ряде работ, уже на стадии младенчества такого рода взаимодействие далеко не исчерпывается физическим контактом с матерью в процессе кормления, но включает достаточно широкий спектр интеракций на эмоциональном уровне как с матерью, так и с другими членами семьи), который по мере взросления индивида становится все более многоплановым в количественном и качественном отношении. В результате такого взаимодействия накапливается личный опыт, который либо подтверждает изначальную уникальность и самоценность индивида — в этом случае врожденная индивидуальная уникальность подкрепляется убежденностью в своей личностной уникальности (как показано в концепции персонализации В.А. Петровского, понятия «индивид» и «личность» и описываемые ими виды психологической реальности являются взаимосвязанными, но не тождественными) [5], либо, наоборот, подавляет ее, загоняя индивида в жесткие рамки императива «быть таким, как все». Понятно, что в первом случае имеет место подкрепление детской витальности, в то время как во втором она явно депривируется. По сути дела, каждый базисный конфликт эпигенетического цикла, описанного Э. Эриксеном, представляет собой нечто иное, как противоречие между подкреплением в процессе взаимодействия

с референтными фигурами и группами либо, напротив, подавления проявлений детской витальности индивида в специфических, характерных для той или иной стадии возрастного развития формах.

Согласно Э. Эриксону, в зависимости от результатов разрешения каждого из этих конфликтов формируется интрапсихический ресурс подкрепления (эго-сила) детской витальности или механизм ее подавления (эго-отчуждение).

При том, что, как совершенно справедливо отмечал в свое время А.В. Толстых, эпигенетическая схема Э. Эриксона является единственной возрастной периодизацией, охватывающей весь жизненный цикл человека [6], наибольший интерес в нашем случае представляют первые четыре базисные стадии, приходящиеся на детство. Заметим, что именно они наиболее детально рассматривались в трудах Э. Эриксона. И это, разумеется, не случайно. Именно на этих стадиях психосоциального развития накапливаются те самые значимые детские идентификации, которые сами по себе, по причинам количественного и качественного характера, «становятся непригодными» — перестают работать к подростковому возрасту. Именно результаты разрешения конфликтов этих стадий, зафиксированные на интрапсихическом уровне в качестве эго-сил или эго-отчуждений, представляют собой тот самый «строительный материал», из которого в подростковом и юношеском возрасте и формируется (или не формируется) идентичность.

И здесь требуется еще одна ремарка. Понятно, что в реальности процесс разрешения каждого кризиса психосоциального развития противоречив и многообразен. К примеру, зачастую те или иные кризисы детства остаются неразрешенными — «замороженными» далеко за пределами сензитивного возраста. Это опять-таки

отдельный большой разговор за рамками настоящей статьи. Но в данном случае, на наш взгляд, важно пояснить, хотя бы в самой лапидарной форме, а что значит, в рассматриваемом контексте, идентификация становится непригодной? Почему она вдруг перестает работать?

В окружении практически любого ребенка присутствуют в том или ином соотношении референтные фигуры, подерживающие либо подавляющие проявления его детской витальности. (В действительности дело обстоит гораздо сложнее — одни и те же фигуры, к примеру, мать, в одних своих личностных ипостасях, не говоря уже о ситуативном контексте, подкрепляют детскую витальность, в других — подавляют, но для упрощения рассмотрим именно условный «черно-белый» в этом смысле вариант). Разрешение каждого из конфликтов детства происходит, в зависимости от того, какой «полюс» в силу интенсивности и длительности воздействия перевешивает, именно через идентификацию с представителем (или представителями) той или иной «стороны» — ни на что иное ребенок до определенного возраста попросту не способен в силу объективной ограниченности своих возможностей — физиологических, интеллектуальных, социальных и т.д. Но вот начало подросткового возраста — и в этом, заметим, сходятся практически все теории развития — своего рода точка бифуркации, когда на возросшие возможности накладывается еще и условная «критическая масса» накопленного социального опыта, который теперь рефлексивируется и оценивается. И подросток вдруг осознает: «Я всегда хотел быть похожим на старшего брата, но я — не он» — идентификация перестала работать, и закономерно возникает вопрос «Кто я?» как проявление плодотворного внутреннего конфликта

и одновременно болезненного внутреннего состояния, что, согласно Э. Эриксону, свойственно юношеству. В этот момент начинается тот самый процесс ревизии значимых детских идентификаций, о котором писал Э. Эриксон, отказавшись от каких-то из них, трансформации других, принятия «в чистом виде» третьих, в результате которого и возникает то самое «настоящее Я», которое Э. Эриксон, комментируя письмо У. Джеймса, назвал «чувством идентичности».

И тут пора представить идентичность уже без всяких метафор, а именно как психологическую реальность, определяемую данным понятием в рамках психосоциальной теории развития. Идентичность — это особый вид эго-структурирования, обеспечивающий устойчивую интрапсихическую поддержку детской витальности индивида на протяжении его взрослой жизни. Она обеспечивает способность к ассимиляции личностного и социального опыта, поддержанию индивидуальной уникальности и субъектности в меняющихся внешних обстоятельствах, как благоприятных, так и препятствующих достижению личностно значимых целей.

Далее мы попытаемся проиллюстрировать все выше сказанное, показать, «как это работает» на примере казуса реципрокности «социальной» и «персональной» идентичностей в когнитивной психологии. Позволим себе кратко напомнить суть дела.

Общим моментом для концепций, посвященных идентичности, выполненных в русле когнитивного направления, является соотношение понятия идентичности с процессом социальной категоризации. При этом сам процесс социальной категоризации представляется как ключевой механизм, необходимый человеку для определенной систематизации свое-

го социального опыта и для ориентации в своем социальном окружении. Введенное Г. Тэджфелом понятие социальной категории [10] было тем ядром, которое определяло концептуальные позиции при решении вопроса о противоречивости личностных и групповых начал в человеке. В предложенной им схеме, описывающей варианты поведения человека, Г. Тэджфел использовал модель биполярного континуума, на одном полюсе которого можно расположить варианты социального поведения индивидов, полностью обусловленные фактом их группового членства, а на другом — такие формы социального взаимодействия, которые определяются индивидуальными характеристиками участников [10]. Данные полюса он обозначил как социальную и персональную идентичности.

Развивая представления Г. Тэджфела, Дж. Тернер в своей теории самокатегоризации отметил наличие реципрокной взаимозависимости между этими двумя подсистемами Я-концепции. Такая взаимозависимость проявляется в том, что актуализация личностного уровня идентичности подавляет социальный полюс самокатегоризации, снижая количество ролевых, стереотипных самопроявлений, и, наоборот, актуализация групповой идентичности тормозит установки и поведение, проистекающие из личностного уровня самокатегоризации [12].

Заметим, что в ряде исследований идентичности, выполненных в логике когнитивного направления, абсолютизировалась именно социальная идентичность. При этом идея о равнозначности и взаимосвязи социальной и персональной идентичностей фактически игнорировалась. Более того, собственно персональная идентичность зачастую вообще оказывалась за рамками рассмотрения. Несостоятельность подобных редукций

концепций Г. Тэджфела и Дж. Тернера была показана в работах Г. Брейкуэлла и других представителей когнитивного направления [9]. Тем не менее пресловутая «реципрокность» социальной и персональной идентичностей остается предметом изучения для целого ряда отечественных исследователей.

Попытаемся разрешить эту «неразрешимую проблему» с изложенных выше теоретико-методологических позиций. Для этого, прежде всего, обратимся к первоисточнику. Согласно Г. Тэджфелу, социальная и персональная идентичности представляют собой равнозначные структуры в рамках Я-концепции, первая из которых описывает самоопределение человека в терминах принадлежности к различным социальным категориям: полу, этносу, конфессии, профессиональной группе и т.д., в то время как вторая — в терминах личностных черт: физических, интеллектуальных, нравственных [11].

Прежде всего представляется сверхочевидным, что фактически речь идет именно об идентификациях и сумме идентификаций в рамках «Я-концепции». Если обратиться к представленной выше схеме развития и соотношению в рамках данной схемы «идентичность—идентификация», то становится понятным, что в раннем возрасте эти идентификации могут быть реципрокными, а проще и точнее говоря, оппозиционными и, более того, взаимоисключающими, равно как вполне конгруэнтными и взаимодополняющими. Заметим, что это справедливо и в отношении идентификаций, отнесенных Г. Тэджфелом к одному и тому же виду «идентичности». И все это не просто укладывается, а является неотъемлемой составляющей описанного выше процесса разрешения базисных кризисов психосоциального развития.

Посмотрим на эту самую «реципрокность», говоря словами Э. Эриксона, «за идентичностью» — во взрослом и зрелом возрасте. На сегодняшний день вполне убедительно теоретически обосновано и эмпирически подтверждено в целом ряде исследований, что сформированная в процессе психосоциального развития в детстве и юности идентичность, в представленном выше понимании, проявляется в таких личностных особенностях и поведенческих паттернах, как открытость новым идеям и опыту при сохранении отчетливо выраженной личностной позиции и системы ценностей, готовность и способность к установлению подлинно партнерских отношений с другими людьми в процессе социального взаимодействия, полнезависимость, высокая толерантность, готовность к принятию ответственности. Понятно, что ни о каком подавлении личности социальными стереотипами, навязанными извне установками, ролевыми ожиданиями и т.п. в данном случае говорить не приходится.

В свою очередь, психосоциальная спутанность как результат деструктивного разрешения пятого кризиса психосоциального развития проявляется в высоком уровне личностной закрытости, отчетливо выраженной предрасположенности к ксенофобии, фанатичной приверженности тем или иным лидерам и идеологическим доктринам, неадекватной атрибуции ответственности, склонности к следованию стереотипам, слабой способности к рефлексии и т.п. Она является глубинной причиной такого личностного качества, как авторитарность, характеризующегося устойчивой, граничащей с патологией потребностью индивида жестко подавлять и, более того, унижать, третировать членов социального сообщества, стоящих ниже его в статусном отношении, при одновременной

безусловной готовности к слепому, безоговорочному подчинению, скорее даже повиновению, вышестоящим. Достаточно очевидно, что такой набор личностных и поведенческих характеристик не просто предполагает, но обуславливает, по сути дела, неизбежность сверхвысокой зависимости индивида от внешнего (социального) влияния и воздействия.

Из сказанного, на наш взгляд, ясно, что речь в сущности идет не о «реципрокности» социальной и персональной идентичностей, а о «вечном» конфликте между личностью и обществом, разрешение которого обусловлено процессом и результатом психосоциального развития. Проблема же «реципрокности» представляется еще одним типичным примером гипостазирования и эффекта добавленной валидности в науке. То, что этой «проблемой» на протяжении многих лет занимались и продолжают заниматься известные ученые, нисколько не меняет сути дела.

Подведем некоторые итоги наших рассуждений. Итак, мы попытались охарактеризовать психологическую реальность, описываемую понятием «идентичность» в рамках психосоциальной теории развития, показать, как, почему и на каких основаниях оно было разработано и введено в научный лексикон Э. Эриксоном и его последователями. На наш взгляд, этот пример снимает целый ряд поднятых вопросов, связанных с теоретико-методологической обоснованностью и просто здравым смыслом употребления понятия «идентичность» в целом ряде исследований, содержательная ценность которых сама по себе не подвергается нами сомнению. Возвращаясь к вопросу о том, имеют ли место религиозная, этническая, семейная, профессиональная и прочие идентичности, мы позволим себе ответить, что, вероятно, да. Но для проверки этой гипотезы явно недостаточно заменить слово «идентификация» «идентичностью».

Литература

1. *Зиглер Д., Хьелл Л.* Теории личности. СПб.: Питер, 2004. 606 с.
2. *Клонингер С.* Теории личности: познание человека. СПб.: Питер, 2003. 718 с.
3. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. М.-Воронеж, 2003. С. 26–45.
4. *Петровский А.В.* Психология и время. СПб.: Питер, 2007. 447 с.
5. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
6. *Толстых А.В.* Неизвестный классик // Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. С. 5–20.
7. *Толстых Н.Н.* Идентификация Эриксона. Рецензия на книгу: Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания) // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 2. С. 148–159.
8. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 341 с.
9. *Brekwel G.* Coping with threatened identities. L. — N.Y.: Mithuen, 1986. 280 p.
10. *Tajfel H.* Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.
11. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 546 p.
12. *Turner J.* Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behavior // Advances in group processes. London, 1985. Vol. 2. P. 77–121.

References

1. Zigler D., Kh'ell L. Teorii lichnosti [Personality theories]. St. Petersburg: Piter, 2004. 606 p. (In Russ.).
2. Kloninger S. Teorii lichnosti: poznanie cheloveka [Personality theories: cognition of man]. St. Petersburg: Piter, 2003. 718 p. (In Russ.).
3. Malakhov V.S. Neudobstva s identichnost'yu [Inconvenience with identity]. Sost. L.B. Shneider. *Identichnost': Khrestomatiya [Identity: Reader]*. Moscow-Voronezh, 2003, pp. 26–45. (In Russ.).
4. Petrovskii A.V. Psikhologiya i vremya [Psychology and time]. St. Petersburg: Piter, 2007. 447 p. (In Russ.).
5. Petrovskii V.A. Chelovek nad situatsiei [Man over the situation]. Moscow: Smysl, 2010. 559 p. (In Russ.).
6. Tolstykh A.V. Neizvestnyi klassik [Unknown classic]. In A.V. Tolstykh (eds.). *Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis: per. s angl. [Erikson E. Identity: youth and crisis]*. Moscow: Progress, 1996, pp. 5–20. (In Russ.).
7. Tolstykh N.N. The Erikson Identity. Review of the Book by N.S. Burlakova and V.I. Oleshkevich. “E. Erikson’s Psychological Theory of Identity as Reflected in the Author’s Personal History (A Research on the Nature of Clinical Psychological Knowledge)”. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013. Vol. 4, no. 2, pp. 158–159. (In Russ.).
8. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 341 p. (In Russ.).
9. Brekwell G. Coping with threatened identities. London—New York: Mithuen, 1986. 280 p.
10. Taifel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.
11. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 546 p.
12. Turner J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes*. London, 1985. Vol. 2, pp. 77–121.

Информация об авторах

Ильин Валерий Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

Information about the authors

Valery A. Ilyin, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-5616>, e-mail: va0405@mail.ru

Получена 01.10.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 01.10.2020

Accepted 20.01.2021